
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

УДК: 332,1:339,9:914

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2021 г. Л.Б. Вардомский

Институт экономики РАН, Москва Россия

e-mail: wardom@yandex.ru

Институты евразийской интеграции формировались на основе опыта других интеграционных объединений, но с учетом специфики стран-участниц. В статье проводится оценка влияния пространственных факторов на Евразийский экономический союз (ЕАЭС), которое пока недостаточно изучено, хотя и весьма ощутимо. Среди этих факторов – резкое доминирование в ЕАЭС России, большие социальные и экономические различия на страновом и региональном уровне, преобладание энергетики и обслуживающей ее инфраструктуры во взаимодействии стран-участниц, глубинное положение в Евразии. Действующие институты в основном нацелены на обеспечение свободы для взаимной торговли и трансграничного движения населения. От этого выиграли преимущественно столичные города, на которые замыкается основная часть взаимной торговли и трудовых миграций. В то же время они не стимулировали развитие производственной и технологической кооперации стран-участниц. Евразийская интеграция пока не способствует ослаблению неравномерности пространственного развития в странах-участницах, что подпитывает скептические настроения в отношении ЕАЭС и усиливает внутривнутриполитическую неустойчивость. Недавно принятые «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» предполагают корректировку институтов интеграции в направлении усиления в них элементов координации и совместного проектирования. Это позволит ослабить негативное влияние внутриконтинентального положения и более активно использовать потенциал центрального положения в Евразии. Представленная в них система мер совместной экономической политики создает новую платформу устойчивого взаимодействия государств, национальных сообществ и бизнеса по более эффективному использованию занимаемого ими евразийского пространства.

Ключевые слова: евразийская интеграция, институты, страны ЕАЭС, Россия, социальные различия, международные транспортные коридоры, координация развития.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-4-2

Введение и постановка проблемы. Евразийская интеграция, как и любой проект региональной интеграции, отражает формирование более крупного рыночного пространства с взаимным преференциальным режимом экономического взаимодействия стран-участниц. Укрупнение пространства расширяет для стран возможности реализации своих сравнительных экономических преимуществ, одновременно обеспечивает получение эффектов от масштабов производства и более быстрого внедрения различных инноваций. Интеграция национальных пространств заметно улучшает их геоэкономическое положение, что стано-

вится существенным ресурсом последующего развития.

Образуемый для управления интеграционным процессом институциональный механизм направлен на получение экономического и социального эффекта всеми его участниками. Применительно к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) созданные интеграционные институты отражают экономическую, социальную и политическую специфику стран-участниц [3]. В немалой степени на модели евразийской интеграции сказываются и особенности национальных экономических пространств, в основе которых лежит советское наследие

в виде сети городов, транспортных коммуникаций и производственной специализации, а также их взаимоположение и положение в географической Евразии.

Реализация любого интеграционного проекта, главными движущими силами которого является свобода трансграничного движения людей, товаров, капиталов и услуг, оказывает влияние на пространственное развитие стран-участниц, на динамику национальных территориальных структур экономики. Не является исключением и евразийская интеграция. Однако свобода трансграничных движений осуществляется на большом интеграционном пространстве, с низкой плотностью инфраструктурных сетей, сильно дифференцированном по уровню социально-экономического развития, удаленном от главных мировых рынков. В результате этого фактор «свободы трансграничных взаимодействий» проявляется в ослабленном виде, экономические стимулы к интеграции «глохнут» в условиях «трения» больших расстояний, плохой логистики и сильной неравномерности в размещении экономики и населения. Кроме того, декларируемые «свободы» создают определенные сложности для национальных производителей, осваивающих новые производства, что вынуждает страны-участницы, исходя из национальных интересов, вводить в режим свободных взаимодействий разного рода ограничения.

Целью настоящей статьи является изучение влияния пространственных (геоэкономических) условий на институты евразийской интеграции и оценка влияния действующих институтов интеграции на региональную экономику стран-участниц. Более глубокое понимание взаимосвязи институтов и пространственных условий интеграции позволит выстроить более эффективную политику сплочения стран ЕАЭС.

Обзор ранее проведенных исследований. Исследование пространственных аспектов региональной экономической интеграции было начато в СССР в период социалистической экономической интеграции в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). 46 лет назад вышла статья И.М. Маергойза «Территориальная структура народного хозяйства и некоторые подходы

к ее исследованию в социалистических странах в свете социалистической экономической интеграции», в которой была изложена методология подобного исследования [8]. Подходы профессора Маергойза базировались на комплексной оценке роли экономико-географического положения и магистральной инфраструктуры, связующей страны СЭВ в интеграционных процессах, выделении регионов и субрегионов играющих в них ключевую роль, а также на представлении о том, что в ходе интеграции формируется макротерриториальная структура хозяйства европейских стран СЭВ. И.М. Маергойз, также, как Ю.Г. Саушкин, разрабатывал методику и методологию географии, но на материале зарубежных социалистических стран¹. Глубокое исследование территориальных структур экономики зарубежных социалистических стран в ходе их интеграции позволило расширить арсенал методологических подходов к изучению географии советской экономики в части влияния внешнеэкономических связей на пространственное развитие государства.

Социалистическая экономическая интеграция осуществлялась на плановой основе, одним из главных принципов которой было выравнивание уровней социально-экономического развития как стран-участниц, так и их восточных, наименее развитых районов. Сдвиги в размещении промышленности, географии населения, транспорта, туризма под влиянием социалистической экономической интеграции подробно исследовались в трудах П.М. Алампиева, Н.В. Алисова, А.Н. Барковского, Э.Б. Валева, Ю.В. Илинича, А.А. Кутузова, Н.С. Мироненко, С.Л. Матвеева, Т.Е. Ткаченко, В.В. Фролова, а также автора этой статьи.

Основоположником исследования в СССР региональных аспектов европейской интеграции стал известный географ С.Б. Шлихтер, ученик И.М. Маергойза, опубликовавший ряд пионерных работ [20].

В странах ЕС одним из главных направлений исследования пространственных особенностей интеграции стала оценка влияния «исчезающих границ» на развитие стран-участниц ЕС и всего европейского пространства. Ослабление регуляторных функций внутренних государственных границ и рас-

¹ В этом отношении профессора И.М. Маергойз и Ю.Г. Саушкин в определенной мере конкурировали друг с другом, что пошло на пользу географической науке.

ширение общего рыночного пространства на основе либерализации взаимных экономических связей оказывает заметное влияние на пространственное развитие стран-участниц [22]. Но оно имеет неоднозначный характер, поскольку свобода трансграничного движения факторов производства усиливает конкуренцию между регионами стран-участниц интеграции, которая оказывает не меньшее влияние на пространственное развитие. От интеграции в рамках ЕС в основном выигрывают наиболее сильные города и регионы [21]. Подтягивание отстающих регионов осуществляется через финансовую поддержку отдельных инфраструктурных и социальных проектов из фондов ЕС.

В России силами ученых ИМЭМО РАН под руководством А.В. Кузнецова подробно исследовались вопросы региональной политики, осуществляемой на уровне как ЕС, так и отдельных стран-участниц, в контексте выравнивания уровней развития. Исследования показали, что преодоление больших разрывов в уровнях развития стран-участниц и их регионов требует больших материальных затрат, осуществляемых через фонды ЕС, и значительно большего, чем полагали, времени [11; 12].

Основная часть исследований пространственной проблематики постсоветских интеграционных проектов была связана с изучением развития новых приграничных регионов, возникших после распада СССР, и трансграничного сотрудничества. В них рассматривались вопросы: собственно приграничного сотрудничества и его институтов; формирования трансграничных регионов и кластеров; социальных процессов в смежных регионах стран; меняющихся соотношений барьерных и контактных функций границ; трансграничной социальной коммуникации; взаимодействия «большой» межгосударственной и «малой» (трансграничной) интеграции. Данные вопросы исследовались в ряде вузов приграничных областей России [5; 15], но безусловным лидером приграничных исследований стала лаборатория геополитических исследований Института географии РАН под руководством В.А. Колосова, многолетнюю работу которой увенчал фундаментальный труд по исследованию российского приграничья [14].

Другое направление исследования пространственных факторов было связано с ди-

намикой связанности новых независимых государствах (ННГ) в ходе реализации интеграционных проектов. В частности, в трудах И.П. Гуровой, М.В. Ефремовой, Л.З. Зевина, А.Г. Пылина отмечалась падающая торговая связанность экономик стран участниц СНГ и ЕАЭС, отражающая более низкие темпы взаимной торговли по сравнению с торговлей в целом и ростом ВВП [4; 6; 13]. В этом проявлялись трудности адаптации России и других ННГ к произошедшим геополитическим изменениям и рыночной трансформации, которые нанесли сильный удар по их экономике и социальной сфере. ННГ пытались сократить потери от дезинтеграции и перейти к положительной экономической динамике путем создания Таможенного союза и свободной экономической зоны в рамках СНГ. Но их реализация пришлось на период начавшейся турбулентности мировой экономики, что сказалось на эффективности этих проектов [10].

Учитывая важность для России ННГ и усиление геополитической и геоэкономической конкуренции в них со стороны глобальных и региональных центров силы, возросла актуальность исследования стран «пояса соседства» и интеграционных моделей взаимодействия с ним с точки зрения российских интересов. Эти исследования проводились в Институте экономики РАН [18].

Еще один важный пространственный аспект исследования евразийской интеграции связан с оценкой влияния внутриконтинентального положения большинства ННГ на национальное социально-экономическое развитие и развитие интеграционных процессов. Центральное место в исследовании этой проблематике занимают труды Л.А. Безрукова [1] и Я.Д. Лисоволика [7].

Все упомянутые пространственные аспекты исследования региональной интеграции (или дезинтеграции) так или иначе были связаны с оценкой происходивших изменений в территориальном развитии стран-участниц и роли в них соответствующих государственных и надгосударственных институтов, регулирующих интеграционные взаимодействия.

Материалы и методика исследований.

Статья подготовлена на основе официальных национальных и международных (Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС,

Мировой банк, ООН) статистических и информационных источников, а также опубликованных в русле темы статьи материалов российских и зарубежных авторов. Методической основой работы стали межгосударственные, межрегиональные и динамические сопоставления в контексте происходящих в мире геополитических и экономических трансформаций. Для целей исследования автор приводил данные национальной статистики, в частности по валовому региональному продукту стран ЕАЭС, в сопоставимый вид путем пересчета в российские рубли по среднегодовому курсу ЦБ РФ.

Результаты исследования. В качестве институциональной основы евразийской интеграции первоначально виделась модель ЕС, но в ходе реализации она сильно отошла от прототипа, поскольку либеральная основа европейской интеграции в ЕАЭС оказалась применима лишь в ограниченной степени [16].

Институты евразийской интеграции с некоторыми ограничениями обеспечивает свободу движения товаров и людей через внутренние границы, транзитные сообщения разной географической направленности и деятельность общего рынка труда. К ее успехам следует отнести формирование общего таможенного пространства, хотя и с рядом изъятий и исключений, создание системы защиты внутреннего рынка от демпингуемых и некачественных товаров, сближение уровней развития и доходов населения стран-участниц за счет трудовых миграций и финансирования бизнес-проектов как из многосторонних, так и двусторонних фондов их поддержки, созданных при участии России и Казахстана, предоставление ряда социальных гарантий гражданам стран-участниц на всем пространстве ЕАЭС². Важным достижением ЕАЭС стало широкое использование национальных валют во взаимных расчетах. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), в структуре внеш-

неторговых платежей доля национальных валют возросла с 63% в 2013 г. до 74% в 2019 г.³

В то же время действующие институты не стимулировали развитие производственной и технологической кооперации стран-участниц. Взаимные экономические связи стран ЕАЭС, опирающиеся на советское экономическое наследие, аграрно-климатические, природно-ресурсные и демографические различия приблизились к пределам возможного роста, о чем свидетельствует динамика их взаимной торговли в 2010–2020 гг. (табл. 1). За время действия ЕАЭС связанность экономик стран-участниц несколько возросла, но она, отражая перепады мировой конъюнктуры, в том числе и под влиянием пандемии COVID-19, была неустойчива.

В целом интеграционный проект за прошедшие 5 лет оказался менее успешным, чем ожидалось⁴. Об этом свидетельствуют задержки с формированием общих отраслевых рынков и координацией национальных экономических политик [6]. В ряде исследований это объясняется низким уровнем диверсификации национальных экономик, макроэкономической нестабильностью и недостаточным уровнем развития финансовых рынков⁵. В моем представлении, на это влияют и особенности пространства, на котором реализуется интеграция. Наиболее существенная из них – *резкое преобладание в ЕАЭС России*. Население России в 4 раза больше, чем суммарное население остальных партнеров. По ВВП она превосходит их почти в 7 раз. Это предопределяет важность российского рынка для сбыта товаров и услуг для партнеров по ЕАЭС, но и их связей с внешним миром [3; 13].

Россия лучше выглядит среди других участников ЕАЭС по большинству макроэкономических показателей на душу населения. Это позволяет ей оказывать финансовую помощь нуждающимся странам на двусторонней основе и через финансовые организации союза, быть для ряда стран-

² Доклад об основных направлениях интеграции в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭК, 2018. С. 80. <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Доклад%20о%20реализации%20основных%20направлений%20интеграции-2018.pdf> (дата обращения 12.05.2021).

³ Аналитический доклад Евразийского банка развития «Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах». https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_National-currencies_rus.pdf (дата обращения 10.07.2021).

⁴ Доклад об основных направлениях интеграции в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭК, 2018. С. 80. <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Доклад%20о%20реализации%20основных%20направлений%20интеграции-2018.pdf> (дата обращения 12.05.2021).

⁵ Аналитический доклад Евразийского банка развития «Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах». https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_National-currencies_rus.pdf (дата обращения 10.07.2021).

Таблица 1. Динамика торговой связанности стран ЕАЭС

Год	Объем взаимной торговли (5 стран), млрд долл.	Общий ВВП по паритету покупательной способности ЕАЭС/ТС, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему ВВП по паритету покупательной способности, %
2010	47.1	3434	1.37
2011	63.1	4026	1.56
2012	68.6	4274	1.61
2013	64.5	4385	1.48
2014	57.4	4422	1.29
2015	45.4	4281	1.05
2016	43.0	4310	1.00
2017	54.7	4524	1.22
2018	60.3	4943	1.22
2019	61.6	5059	1.22
2020	54.9	4896	1.12

Составлено и рассчитано по данным: World Bank. Open data (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?locale=ru&locations=> (дата обращения 12.07.2021); ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Статистика внешней и взаимной торговли. Январь–декабрь 2011–2021 гг. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx (дата обращения 12.07.2021).

участниц главным инвестором в экономику, помогать в подготовке кадров, оказывать финансовые, информационные и инжиниринговые услуги. Из-за более высоких зарплат и дефицита рабочей силы разного уровня квалификации Россия привлекательна для трудовых мигрантов из стран-партнеров. В то же время по темпам экономического роста в 2010–2019 гг. она уступала другим членам союза. Ее слабым местом остается сравнительно высокий уровень бедности и самая высокая среди стран ЕАЭС поляризация по доходам (по коэффициенту Джини). С учетом социального неравенства по величине индекса человеческого развития Россия занимает третье место в ЕАЭС (табл. 2).

Большие проблемы для партнеров по ЕАЭС создает сильная зависимость российской экономики от конъюнктуры мировых рынков, что влияет на курс рубля и внутренний спрос на производимые ими товары. Кроме того, в странах-партнерах учитывают возможность подвергнуться – прямо или косвенно – западным санкциям из-за сотрудничества с Россией⁶.

Резкое преобладание российской экономики в ЕАЭС заставляет страны с небольшими экономиками опасаться экономического поглощения Россией⁷. Положительное saldo торговли РФ с другими странами ЕАЭС

в 2020 г. составило 14,7 млрд долл., что свидетельствует об асимметричной взаимодополняемости структур их экономик. Иными словами, РФ для других стран-партнеров и главный фокус интеграции, и одновременно ограничитель ее глубины. Важными институтами, позволяющими сбалансировать противоречивое влияние РФ, являются: принятие всех важных решений в ЕАЭС консенсусом, нацеленность евразийской интеграции на укрепление национального суверенитета и ненаказуемая возможность не выполнять принимаемые решения.

Иными словами, в созданной институциональной модели ЕАЭС сочетаются два противоречивых элемента: взаимное открытие друг для друга национальных экономик, с одной стороны, и обеспечение национального суверенитета, с другой. При этом наибольший прогресс наблюдается в тех интеграционных сегментах, в которых интересы стран совпадают. Речь, в частности, идет о формировании общего рынка труда. В его основе лежат громадные различия регионов стран-участниц по уровню экономического развития и создаваемому доходу. Они особенно велики в РФ [9]. В 2019 г. в России ВРП на душу населения в Москве превышал в 10,7 раза данный показатель в Ингушетии – регионе с наименее высоким значением

⁶ Определенные проблемы для стран-участниц создает и «постсоветский синдром» – боязнь разрушительных для национальной экономики последствий взаимозависимости, с которыми столкнулись страны в результате распада СССР.

⁷ Регионализация мира и евразийская интеграция. ЕАБР. 18.06.2019. <https://eabr.org/press/news/regionalizatsiya-mira-i-evraziyskaya-integratsiya/> (дата обращения 10.06.2021).

Таблица 2. Макроэкономические показатели стран ЕАЭС на душу населения, 2019 г.

Показатели	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
ВВП по ППС, долл.	14220	19943	27444	5471	29181
Счет текущих операций по товарам и услугам, долл.	-618	-44	775	-393	876
Инвестиции в основной капитал, долл.	306	1464	1760	356	1906
Прямые иностранные инвестиции, долл.	85.8	135.3	180.9	52.4	218.0
Сальдо трансграничных переводов физических лиц, долл.	170	22	-217	284	-115
Валовый внешний государственный долг, долл.	4169	4842	8511	1291	3351
Зарплата, долл.	380	523	488	247	740
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, долл.	8.2	39.6	11.6	1.2	119.5
Безработица, %	18.3	4.2	4.8	5.5	4.6
Уровень бедности, %	26.4	5.0	4.3	20.1	12.3
Коэффициент Джини	0.381	0.272	0.290	0.364	0.411
Индекс человеческого развития (ИЧР)	0.776	0.823	0.825	0.697	0.824
ИЧР с учетом социального неравенства	0.699	0.771	0.766	0.630	0.740
Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли, %	30.2	50.7	22.2	39.3	8.9
Доля взаимных переводов в их общем объеме, %	44.7	40.3	32.2	98.0	9.3

Источник: [3].

этого показателя, в Казахстане этот разрыв (между Алматы и Туркестанской областью) достигал 8 раз, в Киргизии (между Бишкеком и Ошской областью) – 6,3 раза, а в Белоруссии (между Минском и Могилевской областью) всего 2,1 раза.

Минимальные значения ВРП – менее 50 тыс. руб. – характерны для двух аграрных областей Киргизии: Баткенской (42 тыс. руб.) и Ошской (38 тыс. руб.). Самые высокие показатели (более 1 млн руб. на человека) – в основных нефтегазодобывающих и столичных областях России и Казахстана. Максимальное значение в РФ показал в 2019 г. Ненецкий АО – 7,5 млн руб. Различие между максимальным и минимальным показателями составило около 200 раз. Различие по этому показателю между столицами РФ и Киргизии составило более 7 раз. Соответственно велики различия между странами по уровню зарплаты и доходам населения, что определяет важность трудовых миграций как главного элемента, формирующего рынок труда. Это обстоятельство

до пандемии играло важную роль в евразийской интеграции, но затрудняло продвижение в формировании отраслевых рынков, от деятельности которых страны-участницы могли понести существенные бюджетные потери.

Большое влияние на ход евразийской интеграции оказывает ведущая роль в доходах национальной бюджетной системы Казахстана, России и Белоруссии нефтегазодобывающей промышленности и промышленности, использующей нефть и природный газ в качестве сырья. Размещение этих отраслей во многом обуславливает существующие межрегиональные различия. С другой стороны, доходы от этих отраслей лежат в основе реализации национальных программ развития, что препятствует образованию интегрированных рынков нефти, нефтепродуктов и газа. По мнению белорусской стороны, «справедливые цены» на нефть и газ должны стать частью евразийского интеграционного процесса. Но для РФ и Казахстана это означает утрату суверенитета над важнейшей отраслью экономики.

Особенностью пространства ЕАЭС с точки зрения условий социальной и экономической связанности является то, что страны соседствуют друг с другом в основном регионами с близкими, но сравнительно низкими, душевыми показателями социально-экономического развития. Самая высокая связанность на пространстве ЕАЭС России и Белоруссии в большой мере обусловлена близостью Московской и Минской агломераций. Связи Казахстана и Киргизии во многом объясняются взаимной близостью Бишкека и Алматы. Данные таможенной статистики свидетельствуют, что каркас взаимной торговли составляют столичные агломерации. Евразийская интеграция в основном опирается на столичные регионы, которые в каждой из стран все более отрываются по темпам экономической модернизации от своих периферийных территорий. Столичные регионы с более высоким уровнем зарплаты привлекательнее и для трудовых мигрантов.

В то же время приграничные регионы стран-соседей, обладая наибольшей социальной и ментальной близостью населения, представляют серьезный ресурс для наращивания экономической и социальной интеграции постсоветского пространства, который на нынешнем этапе интеграции по структурным причинам используется в ограниченной степени. В частности, в приграничных регионах России и Казахстана преобладают топливно-сырьевые производства, которые утратили роль драйвера роста национальных экономик [2; 13].

В интеграционной политике стран ЕАЭС просматриваются *два условно крайних варианта*: 1) на основе приоритета национального экономического суверенитета привлечение иностранных технологий и выход с новыми товарами и услугами на формирующийся общий рынок и 2) глубокая экономическая кооперация стран и их регионов, нацеленная на реализацию потенциальных ресурсных преимуществ. До сих пор преобладал первый вариант. Оптимальным же, на взгляд автора, является поиск наиболее рационального сочетания данных вариантов. Чем шире в страны приток технологий из третьих стран, тем шире основа торговых связей между странами ЕАЭС, но при условии координации национальных отраслевых политик. При ее отсутствии или недостаточности это становится источником экономических

противоречий, что отражается в сохраняющихся барьерах на пути взаимной торговли.

Еще одна особенность пространства интеграции связана с его *внутриконтинентальностью*. Россия и другие страны Союза занимают в географической Евразии внутриконтинентальное положение, что предопределяет в среднем меньшую втянутость стран в международные экономические отношения, сырьевой характер экономики, большую зависимость от транзитных перевозок, низкую инвестиционную привлекательность.

Мир развивается в направлении полицентричности и разноформатной регионализации. Экономическая и политическая мощь потенциальных центров измеряется количеством тяготеющих к ним стран. Соседние с ЕАЭС страны или группы стран, стремящиеся к центральному статусу, используют разные модели расширения своего влияния: этнокультурную (Турция), кредитно-инфраструктурную (Китай), либерально-демократическую (ЕС). В этом смысле пространство ЕАЭС и постсоветское пространство в целом находится в поле мощного гравитационного воздействия своих соседей, которое создает риски их развития по сценарию лимитрофного пространства, как поля борьбы конкурирующих за него центров [19].

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превращения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира. Иными словами, если страны ЕАЭС не будут двигаться в направлении формирования евразийского центра, то они неизбежно превратятся в промежуток между уже существующими центрами. Что бы избежать этого, странам ЕАЭС необходимо гармоничное сочетание развития интеграционных институтов и интеграционных проектов, в которые вовлечены все страны-члены, и одновременно активной совместной работы по созданию Большого евразийского партнерства. Его достижение потребует выработки общей стратегической идеи ЕАЭС, которая сплачивала бы всех участников. В качестве такой объединяющей идеи можно предложить *согласованное развитие интеграционного пространства стран-участниц, как пространства общего культурно-исторического, природного и экономического наследия*.

Оборотной стороной внутриконтинентальности является срединное положение

в Евразии, что подчеркивает широкий круг стран-соседей, с которыми могут общаться страны ЕАЭС, а также их страны-соседи по наименее протяженным и быстрым сухопутным транспортным коридорам [17]. *Совместное использование потенциала срединности (центральности) положения может стать одним из направлений совместного развития пространства ЕАЭС.*

На основе этой идеи можно более точно определить первоочередные задачи ЕАЭС, как инструмента развития национальных экономик, и разработать множество бизнес-проектов в разных сферах экономики. Это позволит преодолеть сдерживающее влияние внутриконтинентальности на развитие национальных экономик.

Экономический смысл евразийской интеграции на данном этапе заключается в усилении ее акцента на решение в странах-участницах социальных проблем. Прошедшие годы показали заметное влияние социальных факторов интеграции на пространственное развитие. Они, с одной стороны, усиливают межрегиональные различия в странах путем концентрации в крупных городах бизнес-деятельности, а с другой, выравнивают различия через получаемые доходы от трудовых миграций, в которые широко вовлечены наиболее бедные регионы. Однако это влияние базируется на межстрановых различиях в человеческом потенциале, которые не могут быть долгосрочным фактором развития евразийского интеграционного проекта. Необходима программа перенацеливания деятельности ЕАЭС на согласованное и совместное развитие человеческого потенциала и его более эффективное использование, прежде всего через координацию национальных стратегий развития и реализацию совместных экономических и социальных проектов.

Другое предназначение ЕАЭС, тесно связанное с первым, видится в активировании сухопутных и сухопутно-морских коммуникаций на современной логистической основе. Тем самым используются преимущества центрального положения между упомянутыми глобальными центрами новых технологий, капиталов и потребления. В этих генеральных линиях развития евразийской интеграции совмещаются два упомянутых

типа интеграционного поведения. Практически это означает кардинальное улучшение социальных и логистических условий внутригосударственного (межрегионального) и интеграционного взаимодействия, а также взаимодействия с рынками стран внешнего окружения и одновременно координацию этого взаимодействия. Современная высокотехнологичная цифровая инфраструктура и логистика позволит повысить взаимодополняемость экономик стран ЕАЭС и одновременно расширить экспортный потенциал товаров и услуг для третьих стран.

Данные идеи заложены в недавно принятых «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»⁸. В документе определены новые инструменты и сферы сотрудничества, которые помогут преодолеть трудности в согласовании национальных интересов, наращивании связей по линии производственной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Негативное влияние пандемии и связанные с ней события в странах-партнерах, вызвавшие радикализацию общественных отношений, показали важность для всех участников поступательного развития ЕАЭС. «Стратегические направления» нацелены на углубление интеграционного процесса, сближение уровней социально-экономического развития стран-участниц, совершенствование регуляторной сферы, что позволит до минимума сократить число барьеров на пути интеграции.

Выводы. Евразийская интеграция пока не оказывает заметного влияния на решение социальных проблем в странах-участницах, что подпитывает скептические настроения в отношении ЕАЭС и усиливает внутриполитическую неустойчивость.

Новые проблемы для стран ЕАЭС несет развертывающаяся в мире борьба за низкоуглеродную экономку, которая, как полагают ее инициаторы, должна остановить неблагоприятные климатические изменения. Для рассматриваемых стран речь идет о смене ресурсной базы развития. К сожалению, в «Стратегических направлениях» этому вопросу уделено немного внимания. Однако в них предлагается параллельное развитие ЕАЭС «вширь» и «вглубь», опирающееся

⁸ О стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года. ЕЭК. 13.12.2020. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения 12.07.2021).

на совместное развитие низкоуглеродных экспортных производств и импортозамещение. Одним из примеров таких совместных действий стало налаживание производств вакцины против вируса COVID-19 в Беларуси и Казахстане на основе российских разработок. Большие перспективы для развития низкоуглеродной основы евразийской интеграции создает намеченное в «Стратегических направлениях» более активное использование потенциала ЕАБР, Евразийского фонда стабилизации и развития, Международного финансового центра «Астана», национальных банков.

Большое внимание в документе уделено сопряжению стратегии развития ЕАЭС и китайского мегапроекта «Пояс и путь». Эти два проекта в значительной мере дополняют друг друга в контексте более эффективного и наиболее быстрого использования транзитного потенциала для трансматериковых перемещений грузов и людей по международным транспортным коридорам.

Модернизация существующих международных транспортных коридоров и создание новых – важный фактор адаптации этого пространства к быстро меняющимся внешним условиям развития. Занимая центральное положение в географической Евразии,

ЕАЭС при широком сотрудничестве с КНР, другими странами Азии и Европы сможет стать фокусом всеобъемлющего континентального партнерства⁹.

Повышение международной роли внутриконтинентальных транспортных путей создает предпосылки для укрепления внутренней связанности данного пространства. Для использования этих предпосылок необходимы соответствующие институты, в которых сочетались бы гибкость и способность быстрого реагирования на внешние изменения и изменения в национальных интересах через своевременную координацию интеграционного и национального развития. В этой координации должны занять свое место программы регионального развития стран, а также более широкие возможности сотрудничества на региональном и муниципальном уровнях. В «Стратегических направлениях» региональный аспект евразийской интеграции напрямую не учтен. Вместе с тем, представленная в них система мер совместной экономической политики, фактически создает новую платформу устойчивого взаимодействия государств, национальных сообществ и бизнеса по более эффективному использованию занимаемого ими евразийского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
2. Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 23–40.
3. Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Национальные интересы и динамика евразийского интеграционного процесса // *Мир перемен*. 2021. № 2. С. 141–157.
4. Гурова И.П., Ефремова М.В. Региональная торговля на пространстве СНГ: предпосылки для производственной кооперации // *Вопросы экономики*. 2012. № 6. С. 110–126.
5. Днепр-Двинский регион в зеркале социологии / Под ред. А.С. Кузовко. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 141 с.
6. Евразийская интеграция в турбулентном мире / Под ред. Л.Б. Вардомского. СПб.: Изд-во Алетейя, 2019. 288 с.
7. Лисоволик Я.Д. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 3. С. 46–54.
8. Маергойз И.М. Территориальная структура народного хозяйства и некоторые подходы к ее исследованию в социалистических странах в свете социалистической экономической интеграции // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр.* 1975. № 4. С. 3–21.
9. Михеева Н.Н. Пространственные аспекты региональных экономических прогнозов / Под ред. А.А. Широга. М.: Арктик Принт, 2021. 120 с.
10. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах-членах Евразийского экономического Союза / Под ред. И.В. Пилипенко. СПб.: Научно-технологические исследования, 2019. 975 с.
11. Региональная политика стран ЕС / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.
12. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
13. Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений / Под ред. А.Г. Пылина. М.: ИЭ РАН, 2021. 232 с.
14. Российское пограничье. Вызовы соседства / Под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.Н. М., 2018. 562 с.

⁹ Регионализация мира и евразийская интеграция. ЕАБР. 18.06.2019. <https://eabr.org/press/news/regionalizatsiya-mira-i-evraziyskaya-integratsiya/> (дата обращения 10.06.2021).

15. Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / Под ред. Л.И. Попковой, Ц. Мадры, Л.Б. Вардомского. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. 130 с.
16. Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей. В 2 т. Т. 2 / Под ред. В.И. Бельского. Минск: Право и экономика, 2019. 438 с.
17. Торговая политика России и стран Восточной Азии: поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества / Под ред. И.А. Коргун, К.Ф. Сутырина. М.: ИЭ РАН, 2020. 338 с.
18. Ушкалова Д.И., Вардомский Л.Б. Региональная экономическая интеграция в исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 6. С. 13–29.
19. Цимбурский В.Л. Геополитика для евразийской Атлантиды // Pro et Contra. Проблемы глобализации. Осень 1999. С. 141–175.
20. Шлихтер С.Б. Эльке Э. Территориальные проблемы экономической интеграции стран ЕЭС. Гота, 1986 // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1987. № 4. С. 137–138.
21. Brakman St., Garretsen H., Van Marrewijk Ch., Oumer F. The border population effects of EU integration // Journal of Regional Science. 2012. Vol. 52. № 1. P. 1–20. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00752.x.
22. Niebuhr A., Stiller S. Integration effects in border regions – A survey of economic theory and empirical studies // HWWA Discussion Paper 179. Hamburg, 2002. 30 p.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2021 г.

Об авторе

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром постсоветских исследований Института экономики РАН, г. Москва.

Для цитирования

Вардомский Л.Б. Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4. С. 18–28.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-4-2

Spatial dimension of Eurasian integration

L.B. Vardomskiy

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

e-mail: wardom@yandex.ru

The institutions of Eurasian integration were formed on the basis of the experience of other integration associations, but taking into account the specifics of the participating countries. The article assesses the influence of spatial factors on the EAEU, which has not yet been sufficiently studied, although it is very noticeable. Among these factors are the sharp dominance of Russia in the EAEU, large social and economic differences at the country and regional level, the predominance of energy and its infrastructure in the interaction of the participating countries, the deep situation in Eurasia. The existing institutions are mainly aimed at ensuring freedom for mutual trade and cross-border movement of the population. This has mainly benefited the capital cities, which are the main part of mutual trade and labor migrations. At the same time, they did not stimulate the development of industrial and technological cooperation of the participating countries. The Eurasian integration does not yet contribute to the weakening of the uneven spatial development in the participating countries, which fuels skepticism about the EAEU and increases internal political instability. The recently adopted “Strategic directions for the development of the Eurasian Economic Integration until 2025” imply the adjustment of integration institutions in the direction of strengthening the elements of coordination and joint design in them. This will make it possible to reduce the negative impact of the intra-continental situation and more actively use the potential of the central position in Eurasia. The system of measures of joint economic policy presented in them creates a new platform for sustainable interaction between states, national communities and business for more effective use of the Eurasian space occupied by them.

Key words: Eurasian integration, institutions, EAEU countries, Russia, social differences, international transport corridors, development coordination.

REFERENCES

1. Bezrukov L.A. *Kontinental'no-okeanicheskaya dihotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii*. [The Continental-Oceanic Dichotomy in International and Regional Development]. Novosibirsk: «Geo» Publ, 2008. 369 p. (In Russ.)

2. Vardomskij L.B. Post-Soviet integration and economic growth of the new borderlands of Russia in 2005–2015. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2017, no. 4, pp. 23–40. DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040 (In Russ.)
3. Vardomskij L.B., Turaeva M.O. National interests and dynamics of the Eurasian integration process. *Mir peremen*, 2021, no. 2, pp. 141–157. DOI: 10.51905/2073-3038_2021_2_141 (In Russ.)
4. Gurova I.P., Efremova M.V. Regional trade in the CIS space: preconditions for industrial cooperation. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 6, pp. 110–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-6-110-126 (In Russ.)
5. *Dnepro-dvinskij region v zerkale sociologii* [Dnipro-Dvinsky region in the mirror of sociology]. Kuzovko A.S., ed. Smolensk: Smolensk Univ. Publ., 2019. 141 p. (In Russ.)
6. *Evrazijskaya integraciya v turbulentnom mire* [Eurasian integration in a turbulent world]. Vardomskiy L.B., ed. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
7. Lisovolik YA.D. Eurasian Economic Union and ASEAN: assessment of complementarity. *Mezhdunarodnye process*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 46–54. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.4 (In Russ.)
8. Maergojz I.M. The territorial structure of the national economy and some approaches to its study in socialist countries in the light of socialist economic integration. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 1975, no. 4, pp. 3–21. (In Russ.)
9. Miheeva N.N. *Prostranstvennye aspekty regional'nyh ekonomicheskikh prognozov* [Spatial aspects of regional economic forecasts]. Shirova A.A., ed. Moscow: Arktik Print Publ., 2021. 120 p. (In Russ.)
10. *Perekhod k rynochnoj ekonomike i strukturnye reformy v gosudarstvah – chlenah Evrazijskogo ekonomicheskogo Soyuz* [Transition to a market economy and structural reforms in the member states of the Eurasian Economic Union]. Pilipenko I.V., ed. St. Petersburg: Science Technology Publ., 2019. 975 p. (In Russ.)
11. *Regional'naya politiki stran ES* [Regional policy of the EU countries]. Kuznecov A.V., ed. Moscow: IMEMO RAS Publ., 2009. 230 p. (In Russ.)
12. *Regional'naya politika: zarubezhnyj opyt i rossijskie realii* [Regional policy: foreign experience and Russian realities]. Kuznecov A.V., Kuznecova O.V., eds. Moscow: IMEMO RAS Publ., 2015. 137 p. (In Russ.)
13. *Rossiya i postsovetskie strany: voprosy ekonomicheskikh otnoshenij* [Russia and post-Soviet countries: issues of economic relations]. Pylin A.G., ed. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., 2021. 232 p. (In Russ.)
14. *Rossijskoe pogranch'je. Vyzovy sosedstva* [Russian borderlands. Neighborhood calls]. Kolosov V.A., ed. Moscow: IP Matushkin I.N. Publ., 2018. 562 p. (In Russ.)
15. *Strategiya razvitiya prigranichnyh territorij: tradicii i innovacii* [Border territories development strategy: traditions and innovations]. Popkova L.L., Madry Cezary, Vardomskij L.B., eds. Kursk: Kursk Univ. Publ., 2018. 129 p. (In Russ.)
16. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy: sbornik nauchnyh statej* [Strategy for the development of the Belarusian economy: challenges, implementation tools and prospects: a collection of scientific articles]. Vol. 2. Belsky V.I., ed. Minsk: Law and Economics Publ., 2020. 438 p. (In Russ.)
17. *Torgovaya politika Rossii i stran Vostochnoj Azii: poisk putej dlya vzaimovыgodnogo sotrudnichestva* [Trade policy of Russia and the countries of East Asia: search for ways for mutually beneficial cooperation]. Korgun I.A., Sutyryn S.F., eds. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., 2020. 338 p. (In Russ.)
18. Ushkalova D.I., Vardomskij L.B. Regional economic integration in the studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2020, no. 6, pp. 13–29. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10066 (In Russ.)
19. Cimburskij V.L. Geopolitics for the Eurasian Atlantis. *Pro et Contra. Problemy globalizacii. Osen'*, 1999, pp. 141–175. (In Russ.)
20. Shlihter S.B. El'ke E. Territorial problems of economic integration of the EEC countries. *Izv. AN SSSR. Ser. geogr.*, 1987, no. 4, pp. 137–138. (In Russ.)
21. Brakman St., Garretsen H., Van Marrewijk Ch., Oumer F. The border population effects of EU Integration. *Journal of Regional Science*, 2012, vol. 52, no. 1, pp. 1–20. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00752.x
22. Niebuhr A., Stiller S. *Integration Effects in Border Regions. A Survey of economic Theory and Empirical Studies*. HWWA Discussion Paper 179. Hamburg, 2002. 30 p.

Received 14.07.2021